

«Школой должен заниматься не продажный и гнусный Минпрос, а Минобороны»

Массовое образование в РФ мертво. Интервью с Алексеем Савватеевым у трупа русской средней школы

Алексей Савватеев — математик, профессор МФТИ, просветитель. Ежегодно Савватеев посещает полсотни школ по всей России, общается с учителями, директорами и начальниками от образования. Поэтому он знает, что массовая средняя школа в России мертва — и мертва в результате убийства. Кто убийца? Есть ли шансы реанимировать труп? Почему школе нужны учителя-мужчины? Что может сделать Путин и что делать родителям, которые хотят, чтобы их ребенок получил образование? Об этом и многом другом — в нашей беседе с профессором Савватеевым, автором популярного YouTube-канала [«Маткульт-привет»](#), книги [«Математика для гуманитариев»](#) и лекций [«100 уроков математики»](#) для детей и взрослых.

Массовая школа умерла

— Алексей, дайте оценку современной средней школе в РФ тремя словами.

— Я сначала сделаю оговорку, а потом отвечу.

Средняя школа в России распадается на две группы. Первая — элитный сегмент: небольшое количество супершкол и лицеев, спецшкол, некоторых кадетских училищ, физмат-школ, частных школ разного вида, очень неплохих, вплоть до превосходных. Этот сегмент занимает, на мой взгляд, 5–10% от числа средних школ, а может, и меньше. Такие школы попадают в новости, в отчеты чиновников, в любые разговоры о том, как у нас все хорошо. Этот сегмент — высочайший в мире, может быть, не считая Китая.

А вторая группа — это массовая школа, все остальное. Не менее 90% школ, почти все школьники России. Вот что про нее можно сказать тремя словами: массовая школа умерла. Это диагноз.

От трети до половины учительских позиций (мы не можем пока оценить точнее) в России физически пустуют. Их нет, уроки не ведутся. Бывает, что ребенок идет в школу, первый раз в первый класс, и у него нет учителя — просто нет, потому что их нет.

Потому что зарплата учителя несовместима с жизнью. Потому что у него нагрузка такая, что приходится брать две-три ставки. Три — в экстремальных ситуациях, а две — это сплошь и рядом. Берут 36 часов в неделю учителя по всей стране, потому что на зарплату в 15 тыс. не прожить, а на 30 тыс. еще можно хоть как-то существовать.

Да, Росстат будет рассказывать про среднюю зарплату в 40 тыс., но там есть миллион способов создать вранье из ничего, а типовая зарплата — это 15–20 тыс. рублей. Сейчас, может быть, подросла до 25 тыс. в благополучных местах.

Никакими 40–50 тыс. не пахнет нигде, кроме, может быть, элитного сегмента, ну и понятно, в Москве — за 100 тыс. у большинства или около 100 тыс. рублей.

— **Я думаю, Москву можно не обсуждать, другая страна.**

— Да, Москву можно не обсуждать. Еще Петербург, но и там совсем не так хорошо. Я бы исключил еще пару нефтяных регионов, где существуют большие надбавки. А вот из Тувы, например, есть сигнал от учителя: оклад 5600 рублей. Человек брал три оклада, до 20 тыс. рублей еле-еле доводил и как-то существовал.

Но это полная профанация.

Понятно, что человек не будет вести 50 уроков в неделю. Он запускает в одном классе урок, дети заглядывают в учебник, он бежит в другой класс, там параллельно ведет урок, сдваивает, страивает. И все происходит на полном автоматизме.

Ничего, кроме отторжения и неприязни, у школьника не могут вызвать такие уроки, которые ведет задерганный учитель, который нигде себя больше не нашел. Плюс он по голову завален «необходимыми курсами повышения квалификации», отчетными бумажками, «компетенционными навыками» испещрен его предмет.

Идет формальный бессмысленный процесс, когда учитель что-то говорит или пытается разбирать с двумя-тремя энтузиастами, а остальные просто перекидываются эсэмэсками. Это — если не хуже, в некоторых местах — просто буллинг. То есть хамское, по-русски говоря, поведение учеников. То, за что в любой нормальной системе, — что в Российской Империи, что в Советском Союзе — ну просто сразу давали пощечину.

Минпросвет — преступник, заматающий следы

— **Какой у нас есть достоверный источник информации о положении дел в массовой школе? Как понять, не считая личного опыта, что происходит отупение школьников?**

— Минпрос сделал все, чтобы данные об этом были недоступны. Преступник вообще редко оставляет нож с отпечатками пальцев на месте преступления. Вот Минпросвещения тоже не оставило нож в убитом теле образования. Все скрывается, ничего не публикуется, и мы должны добывать информацию по крупицам.

— **Но как-то можно это измерить?**

— Есть две важных вещи: статистика сдачи ЕГЭ год от года и процент сдающих ЕГЭ по предметам — сколько человек сдает тот или иной предмет.

По первому пункту: сейчас делается все, чтобы каждый следующий ЕГЭ был похож на предыдущий, чтобы с каждым годом улучшались результаты. Но даже при этом условии у нас есть серьезнейшее ощущение, что результаты снижаются.

По второму: по большинству предметов ЕГЭ необязательно. И мы не знаем процент выпускников, сдавших ЕГЭ по конкретному предмету, эти данные хранятся за семью печатями. Очень важно их добыть, чтобы поставить диагноз. Если мы увидим, что химию, к примеру, выбирает и сдает 2% выпускников школ, это значит, что химии в России больше нет.

Несмотря на отсутствие доказательств в виде цифр, мы знаем, что происходит. Потому что мне пишут, я езжу по всей стране, получаю отклик почти из всех регионов.

Но в идеале эти данные, которые есть в Министерстве просвещения, требуют оцифровки. Они их тщательно скрывают, они ведут себя, как преступник, который замечает следы.

Наша роль — следователь, который должен это открыть. Конкретно: в скольких школах сколько процентов от положенного числа уроков по химии, по физике просто не ведется, в каких регионах и как разнятся эти проценты. То есть в Москве, например, ведется 99% уроков химии. А по стране? В Екатеринбурге конкретно, в Ивановской области?

Следующий момент — это какое количество учителей перегружено двумя-тремя ставками. Я предполагаю, что близко к 100%, поголовно, потому что я знаю зарплаты.

Дальше — какие реальные зарплаты по регионам. Выкинем суперзарплаты и попробуем мухлеж Росстата как-то аккуратно развинтить и разложить по полочкам. Скажем, я знаю, что в Севастополе платили 28 тыс. до марта в одной из школ, а скорее всего и во всех остальных тоже. Про одну я просто знаю наверняка, это докладывала учительница из этой школы мне в письме. В принципе, по Севастополю это было не так уж мало. А потом кончились деньги на премии, и с марта по май уже был просто оклад, то есть 16 тыс. с небольшим. Еще нужно вычесть 13%, и получится, что на это уже не выжить, особенно если есть дети.

В итоге у нас по призыву Путина строятся школы и стоят пустыми — нет учителей. Профессор из Петрозаводска Александр Иванов показывал вакансии — 10 800 рублей зарплата. Ждем учителей с распростертыми

объятиями. А вокруг всего этого бегают Герман Греф со своим «мы сейчас экраны поставим за наш счет, сейчас будут Сберклассы; все нормально, не нужны учителя ваши, они уже устарели, советская школа устарела, она авторитарна».

Да, может быть, Советский Союз был авторитарный, но уж про школу советскую плохого слова я бы не сказал. По сравнению с сегодняшним днем это просто райская школа. Любой советский троечник более-менее знал про биссектрисы, высоты. Что такое дроби, знал весь Советский Союз.

— Что плохого в этих экранах?

— Это просто днище. В этот экран никто даже не смотрит. Ты можешь включить там гениального педагога, но школьник, оставленный наедине с экраном, не будет смотреть даже самые великие лекции.

Я сотню раз участвовал в обсуждениях, в которых мне говорили одно и то же: Алексей Владимирович, вот тебя и будем ставить! Зачем эти учителя, вот есть ты и есть твои великолепные лекции, их и будут смотреть! Я говорю: это вранье, лукавство. Мои лекции для тех, кто сам на них пришел. Для тех, кто почувствовал в них необходимость.

Мы не ретрограды. Цифровизация? Да на здоровье! Но в том объеме, в котором она востребована самим учителем — для уроков, учеником — для дополнительных занятий. Но когда вы вводите это в обязательном режиме и без живого учителя, это заведомый тупик, это гроб и огромный гвоздь в него.

Соответственно, единственная задача, которая может быть поставлена, — это вернуть учительство. Все! Любыми средствами и способами.

Школе нужны мужчины и затрещины

— Какие первые шаги надо предпринять?

— Решить главные проблемы — положение учителя и нехватку кадров. Самое главное — надо наделить учителей государственным статусом, может быть, так и назвать: «Государственный учитель». И сделать крайне сложной процедуру их увольнения — сделать так, чтобы просто нельзя было выгнать их из школы или, по крайней мере, очень затруднить эту процедуру. Это сразу решит проблему удушения учителей.

Региональные департаменты образования, честно говоря, я бы разогнал — они враждебны образовательному процессу. Из-за них нормальный директор школы не уживается в сегодняшней системе. Его начинают нагибать, потому что он не дает показатели, не подделывает выборы у себя, не вводит локдаун по отмашке и так далее. Нормальный директор сегодня — белая ворона.

А если начать с самого верха, то первым делом надо скандально и красиво полностью расформировать Рособнадзор. Все остальные сразу воспрянут духом, потому что он задавил просто реально всех! Никому нельзя будет давить!

Ну и надо провести более-менее поголовную люстрацию в Минпросе, потому что сегодняшние работники не способны ни к чему, кроме контроля и нагибания. Мы не можем без этого начать, просто не можем. Здесь нужен перезапуск. У нас был прецедент, перезапускали уже систему среднего образования в 30-е годы, после того как Луначарский все развалил.

— Вы говорили, что в школу нужно возвращать мужчин-учителей. Почему вы считаете, что учить — это не женское дело?

— Не то чтобы не женское. В школе может быть 10 мужчин и 20 женщин, но нужно, чтобы в каждом классе хотя бы один-два предмета вели серьезные авторитетные мужчины, потому что не женское дело — передавать какой-то опыт. На этих шалопаев вообще женщины никак не действуют, а мужчина может хотя бы прикрикнуть.

Кстати, я бы вернул возможность давать затрещины, потому что бывают ситуации, когда это нужно делать, потому что другого ответа просто нет. А сегодня, если учитель даст затрещину, завтра его не просто нет в школе — его еще и ждет суд. Думаю, в нормальной школе родитель должен будет подписать бумагу, что если его ребенок начинает плохо себя вести, возможно воздействие, в том числе и руками. Должна быть возможность одернуть хама, серьезно одернуть. А как женщина будет это делать? Тут нужен мужчина.

— У нас в школе три главных субъекта, как я понимаю: кроме учителей, это еще родители и дети. Кто из них — главная проблема?

— Есть еще директор — и он главная проблема! Детей проблемой назвать нельзя, дети — это пластилин. Заставь их сдавать на входе мобильники, как в хороших школах это делается, — и все, у тебя другие дети. Вчера, например, был в коллективе модным какой-нибудь прыгун, танцор, Милохин или Моргенштерн, в общем, какой-то придурок. И дети были придурошные, они скажут, им ничего не надо, они и выглядят, как бесноватые.

А завтра вдруг мода сменилась: пришел парень из другой школы, стал интересен девочкам в классе. Тут же все начали присматриваться, принюхиваться: а что он говорит? А он там ввел совсем другую культуру. И они другую музыку стали слушать, не знаю, русский рок хотя бы тот же. И все, ты просто класс не узнаешь, завтра те же дети, которые были придурками, тебя слушают, им интересно, они вопросы задают по любому предмету.

То есть дети не могут быть проблемой — проблемой может быть та обстановка, в которую их загнали.

— Тогда учителя? Вы говорили в одной из бесед, что они сейчас делятся на две большие группы — новые, необученные, и старые, настоящие. И ситуация такова, что старые не могут передать молодым свой опыт, потому что молодые не способны его воспринять...

— Новопришедшие учителя иногда являются проблемой, но тоже не из-за того, что они плохие. Конкурс в педвуз сегодня нулевой. Там нижняя граница пропускных баллов — 35 из 100 по ЕГЭ. Это оценка в районе двойки с плюсом, тройки. Приходят и с более высокими баллами — те, кто реально хочет быть учителем. Но это какие-то фантастические подвижники, их единицы. Большинство пошло, потому что просто так вышло, никуда не попали, попали в пед. После пед. опять никуда не попали, пошли в школу. Двойной отрицательный отбор.

— Ну а родители? Где они в этой системе?

— Родители являются проблемой. Если в элитном сегменте родители часто понимают, зачем и почему они подвергают своего сына или дочку испытаниям, слезам, трудностям, то в массовой школе родитель уверен, что дети сюда пришли развлекаться. Что ребенку должно быть хорошо, а если двойки ставят и ребенок плачет, то это вина учителя. Наверное, он плохо учит.

С появлением на сцене родителей-недоучек проблема многократно усиливается. Родителей придется тоже переучивать когда-нибудь в школах для родителей.

Кто ее убил и зачем она нужна

— Итак, у нас есть труп массового образования, и значит, есть убийца. Кто же он?

— Убийца — это набор ключевых заблуждений в среде властей предрержащих и близких к ним людей. Среди них есть амбассадоры этих ключевых заблуждений, то есть — посланники. Я их назвал амбассадорами, выбрал английское слово специально, потому что эти заблуждения они транслируют при полном одобрении наших западных партнеров. С их точки зрения, это даже и не заблуждения, все происходит, как надо, ровно так, как заказали.

Мы тут пускаемся в некоторую конспирологию, но без нее невозможно понять, что происходит. Стоит задача уравнивать нашу экономику с качеством образования, которое было слишком высоким. Конечная цель — учителей не должно быть. Ну, так оно и вышло.

Кто заказчики этой великой разрушительной реформы внутри России? Можно обсуждать мифологию на самом высшем уровне. Скажем, Герман Греф несколько раз проговаривался, что в будущем государства будут иметь все меньше значения. Он говорил аккуратно, но все-таки смысл улавливался.

Идея такая: оптимизированные потребители без всякой идентификации, без родины, без креста будут просто наполнять землю. Они будут мультикультурны, разнообразны и будут уметь брать кредит. Это и нужно корпорациям. То есть идеал — это разрушение всех стран, потому что правительства государств являются заказчиками хорошей массовой школы. Такая школа дает способ стать лучше в конкурентной борьбе стран между собой за те или иные позиции, за ресурсы.

— Это, может, какой-то совсем нелепый и глупый вопрос, но все же: а чем вообще плоха смерть массовой школы? Вы сами говорите, что в Америке нулевой уровень школы, но высокий уровень жизни населения...

— Вопрос совершенно правильный. Ответ такой: нам смерть средней школы грозит разрушением. В Америке — другое дело, потому что она открыта для новых кадров и нормально вписывает в структуру своего существования массовую закупку специалистов у всего остального мира. Плохо это, хорошо ли, но в России этого механизма нет и не будет в ближайшее время. Это просто надо понимать.

Я не хочу обсуждать вообще этот сценарий. Они предлагают нам принять без доказательств тот факт, что учителя больше не будет, и перейти к вопросам экранизации классов. А я предлагаю исходить из того, что Россия будет всегда.

Теперь следующее — это ответ условного Кириенко, ответ технократов. Он такой: Россия будет всегда, и это правильно. И Россия должна быть тупой, быдлярской, потому что так легче управлять. Мы будем управлять быдлярской Россией, а 10% будут получать прекрасное образование в элитном сегменте. У тебя есть претензии к нашему элитному сегменту? Нет. К массовой школе? А зачем она вообще нужна, что ты к нам привязался? Да, мы делаем все, чтобы разрушить массовую школу, — ну нам так надо, нам так кажется правильным.

— Это вы цитируете сейчас Кириенко?

— Нет конечно! Такого прямо никто не скажет. Но я просто знаю, что он так думает. Это его способ мышления, способ мышления технократов. У них есть еще другое крыло технократов, которое говорит, что — нет-нет, будет массовое образование, просто учитель сегодня — это уже пережиток старины, а школьники все поймут через экран, все 100% школьников России! Ну, это мечтатели. Они говорят, что в школе должно быть хорошо, приятно. Что

должен быть разговор ученика с учителем один на один, к каждому ученику свой подход.

А в это время в Ростове сливают по 40 человек в классы, закрываются классы, потому что нет учителей.

Что делать родителям

— **От теории к практике: что делать людям, у которых уже нет времени ждать улучшения системы? Отдавать ребенка в современную школу, не отдавать, как дать ему образование?**

— Отдавать, конечно. Отдавать в хорошую школу. В каждом городе такая есть. Надо сделать все, чтобы попасть туда.

— **Как вы относитесь к альтернативным методам образования: домашнее обучение, церковно-приходское, репетиторское?**

— Есть принципиальный момент: дети должны учиться вместе, нужен класс. Я совершенно убежден, что никакой репетитор, даже самый лучший, никогда не заменит коллектива, в котором ведется урок на хорошем уровне. Школьники должны сидеть рядом. Если это родительское сообщество, если они хотят домашнее образование, — хорошо. Можно собраться в группу 12–15 человек. Церковно-приходские школы, кадетские классы — все это может быть хорошо.

А репетитор на дому — нет! Пусть они, эти элиты, которые готовы отдавать по 100–200 тыс. рублей в месяц на репетитора, даже не надеются. Их дети не будут ничему научены.

Основные предметные знания лучше всего передаются в конкуренции с другими школьниками. Никто эту конкуренцию не отменял.

— **Может быть, решение в частных школах?**

— Да, есть определенный спрос со стороны родителей. А если бы спрос был действительно большой, то и школ таких было бы больше. Но в чем тут проблема? Родитель, если он сам заплатил за образование ребенка, стране ничем не обязан. Его ребенок легче уедет за рубеж, чем если бы он учился за деньги страны.

— **А это уже вопрос к стране. Но тут непонятно, с кем разговаривать, у кого спрашивать-то?**

— Страна — это мы! И у нас нет инженеров, нет специалистов, у нас нет нужного количества врачей. Мы же видим, что происходит. Все разваливается,

потому что все уезжают. А почему все уезжают? Потому что не страна их учила, — их учили репетиторы, их учили в интернете на платных курсах.

Я не осуждаю такое поведение напрямую. Конечно, свобода — основное право людей. Но если я правитель, если я отец нации — как я могу это допустить? Страна должна научить людей, тогда они будут чувствовать к ней некоторое уважение. Они не все поедут уже, кто-то останется. У нас есть где работать.

Но для этого они должны быть обязаны стране. Они не должны считать, что вот у нас тут говнорашка, которая сырьевой придаток, а нас никто не учил, мы сами учились. Потому что если их действительно никто не учит, то это естественная мысль, которая у них возникает в голове, особенно когда они смотрят на учителя. Приходит бедняга загнанный или женщина никакущая: отстаньте от меня, не могу я вам ничего сказать, у меня 36 часов в неделю.

Население становится подвержено любой бессмысленной, непродуманной, глупой идее и приманке, если оно не образованно. Поэтому мы не можем этого допустить. Да, родители этого не понимают — потому что они сами уже такие! Поэтому мы должны возвращать учителей независимо от родителей и их спроса. У нас нет другого пути. Понимаешь, нам надо засучить рукава и работать.

Все остальное — это полумеры. Что, может, надо создать еще пять «Сириусов»? А кто в них будет работать? У нас на один-то «Сириус» едва хватает.

Мы можем грозить Путину только одним: прекращением существования страны

— Как вы оцениваете шансы того, что реформа средней школы может случиться?

— Это может случиться, если в Год учителя (2023 год провозглашен Годом учителя в РФ) мы правильно доложим Путину о происходящем.

— Есть план какой-то, как это сделать?

— Да, нужно показать реальность. Зарплаты показать, в скольких школах нет учителей по каким предметам, сколько учителей предпенсионного, пенсионного возраста, количество учеников в классе, количество школ, где в две смены, а то и в три учатся. Мы все это соберем и покажем.

— Предположим, вы это все показываете и Путин вам говорит: это просто ужасно, чудовищные цифры, надо все это обязательно изучить. И на этом все заканчивается. И что дальше?

— А дальше, Владимир Владимирович, либо вы останетесь болтуном, либо решаете, что нужно как-то действовать. Потому что это грозит развалом страны, настоящим. Мы можем грозить только одним Путину — прекращением существования страны Россия.

Отсутствие учителей демотивирует всех, потому что у всех есть дети. У всех, у всей страны есть дети. Они приходят в школу, а там полный кошмар, там просто ее нет. И это на месте, где была лучшая школа в мире!

Родители, конечно, должны об этом париться, но должен париться и президент! Это не может быть не его темой.

Он постоянно вот так: это не моя тема, идите сами разбирайтесь. Но это его тема, это тема обороны страны. Школа — предмет интереса Министерства обороны сейчас.

Это фронт. Нужно так и поставить этот вопрос. И не Минпрос — абсолютно продажный, гнусный и гнилой, а Минобороны, которое гораздо лучше, должно заниматься школой. Лично Сергей Кужугетович Шойгу должен приходить на заседания, где сидит вся эта братия экспертов, и нагло, грубо вмешиваться в их деятельность. Вот к чему я призываю, вот я сейчас призываю Шойгу, он увидит это.

— То есть надо буквально вписывать образование в оборонную стратегию...

— В стратегию спасения России. Нам нужно серьезное разоблачение группы экспертов, которых я называю «30 на 30». Это 30 экспертов, которые 30 лет говорили чушь про образование, тем самым поддерживая его развал. На самом деле 40 лет, это все началось еще до распада СССР, когда советское образование стало угрозой для остального мира.

Это вопрос суверенитета, у нас он есть или нет? Если нет, давайте его вернем. Сейчас у нас внешнее управление через людей, у которых вся собственность в Англии, дети учатся в Англии. У нас нет суверенитета, тебя это устраивает? Меня не устраивает.

Ну так давай возьмем и вернем суверенитет. Все. Вот цель нашей деятельности, цель моей жизни — вернуть России суверенитет.